

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУМАНИСТ ВЕКА

К 90-летию со дня рождения Владимира Маяковского

На всей планете,

товарищи люди,

Объявите:

войны не будет!

В. МАЯКОВСКИЙ.

В ТОТ ДЕНЬ — 19 июля 1893 года вряд ли кто мог предсказать, что родившийся на Кавказе в семье скромного и трудолюбивого русского лесничего Владимира Константиновича Маяковского и его жены — Александры Алексеевны — сын Владимир через несколько десятилетий прославит своими стихами на весь мир и свою «малую родину» — грузинское село Багдади, и в свою большую Родину — Россию неповторимой Октябрьской эпохи.

В 1906 году умер отец Маяковского, умер от заражения крови, укулов палец булавкой. «Благополучие кончилось. После похорон отца у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно, — вспоминает поэт, — мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Даже знакомых не было».

Непредсказуемо мудра и глубинно-человечна диалектика жизни.

Утрачивая, теряя в силу тех или иных зачастую непредвиденных обстоятельств самое сокровенное, казалось бы, ничем не восполнимое для нас, наших душ и сердец, мы, страдая и переживая, со временем, как бы взамен прежних огорчительных утрат и потерь, обретаем на новых рубежах жизни новые, угловатые судьбой волнения и радости, новые потрясения и взлеты души, новые перспективы и надежды...

Так случилось и с Маяковским после трагической кончины отца и переезда в, казалось, еще вчера такую далекую и «недоступную» Москву.

Здесь юный Маяковский встречается с людьми, которые знали, что надо делать для свободы и счастья народа. В 15 лет он вступает в партию большевиков.

С этих новых, памятных на всю жизнь рубежей начинается революционный путь борьбы Маяковского за социалистическую Россию; здесь же зарождается его страстная устремленность к новому социалистическому искусству, которое он «хочет сделать» сам.

Здесь, в Москве, родились выдающиеся дооктябрьские поэмы Маяковского, проникнутые революционно-гуманистическим пафосом — верой в Человека, освобожденного от оков рабства и нищеты: «Я знаю — солнце померкло б, увидев наших душ золотые россыпи!.. Мы — каждый — держим в своей пятерне миров приводные ремни».

Начиная с «Облака...» поэт настойчиво ставит глобальную проблему революционного обновления нравственной, этической, эстетической, социальной природы Человека. Он будет к ней возвращаться вновь и вновь, вплоть до последних своих стихов и поэм, до последних дней жизни.

Обновление, возрождение души человека — души народа поэт связывает с обновлением мира, революционным его переустройством.

Именно такой поэт, с предельной социальной обнаженностью души, поэт, с юных лет открыто связывавший судьбу с передовыми революционными идеями века, мог сказать в октябрьские дни 1917 года — дни крушения старого и рождения нового мира в России: «Моя Революция».

Поставить открыто свой талант на службу революции; поставить в те дни, когда многие честные русские интеллигенты еще мучительно размышляли: «Принимать или не принимать революцию?» Это был гражданский подвиг поэта, высочайшее проявление гуманистической сути его творчества.

В огне революционной России рождается новый Человек. Он потрясает сердце поэта бескорыстным служением революции, высоким чувством долга перед Родиной и народом, коммунистической убежденностью, нравственностью, совестливостью, человечностью и добротой. Он становится главным героем стихов Маяковского.

Каждая историческая эпоха рождает великих народных героев.

Запечатлеть в слове для современников и потомков живой лик героя своего времени — высшая творческая радость и счастье для каждого настоящего художника-гуманиста.

Революционная Россия подарила Маяковскому как поэту счастливые мгновения встречи с таким подлинно всенародным героем: человеком будущего в настоящем, Прометеем XX века, бессмертным сыном России — Владимиром Ильичем Лениным.

В стихах и поэмах Маяковского теперь обретают свою неповторимую предраскряющую реальность дерзкие дооктябрьские мечты поэта о Человеке, который наконец открыто бросит вызов старому миру и отдаст народу, как зная, свое сердце.

Поэт создает живой, полнокровный, многогранно-емкий, исторически предельно точный и достоверный образ Ленина — вождя и человека.

Маяковский стремится раскрыть и показать как можно полнее и выразительнее главное в Ленине — его величайший революционный гуманизм, рождающий веру в силу народных

масс, историческую миссию рабочего класса.

Так возникает в поэзии Маяковского бессмертный образ народного вождя, «самого земного из всех прошедших по земле людей» и «самого человеческого человека» России, всей планеты!

Это было великое новаторское художественное открытие Маяковского.

Чуткая поэтическая душа Маяковского отзывалась на революционную новь России, на революционный порыв души народа крылатыми строками человечнейших стихов.

Лирический герой Маяковского становится героем нашей эпохи, нашего времени. Он делал Революцию, защищал в огненной буре гражданской войны власть Советов; он был верным сыном партии Ленина, ее надежным и стойким солдатом; он, как и сам поэт, хотел, чтобы «партия ему вела», чтобы в «дебатах потел Госплан», давая ему задания; он был великим патриотом и великим интернационалистом; он поднял над миром святое Ленинское знамя свободы; он беззаветно трудился, в холод и зной, на первых коммунистических субботниках, воздвигал в далеких, необжитых краях заводы-гиганты, способные в «сотню солнц мартенами воспламенить Сибирь»; он протягивал руку бескорыстной братской дружбы народам всего мира и был непримирим к буржуазному Западу, к зарождающемуся в Италии и Германии фашизму; он совершил свое «открытие Америки», утверждая, что в будущем эта страна миллионеров и небоскребов может стать последним оплотом безнадёжного буржуазного дела; он отвергал любовь, которая продается и покупается, отвергал «любовь-служанку», мечтал о «любви-громаде»; он был непримирим к мещанству «без рода и сословия», к власти вещей и денег, к тому пресловутому, живучему, как клоп, вещизму и бездуховности, убивающей в человеке все истинно святое и человеческое.

В НАШЕ время, когда проблемы совести, доброты, душевности обретают в мире все большую остроту и значение, очень важно полнее и зорче «разглядеть» Маяковского, как величайшего поэта новой социалистической лирики. Он здесь — первопроходец мировой поэзии XX века.

«Поэт всегда должник вселенной», а жизнь всегда богаче своего отражения. Отсюда и великая творческая радость, и великая ответственность таланта в познании правды жизни; отсюда же постоянная неудовлетворенность тем, что создано, написано, и растущее с годами ощущение, что мог и должен был сделать больше во имя и настоящего, и грядущего. Вспомним, с какой нескрываемой сердечной тревогой и озабоченностью размышляет об этом Маяковский в знаменитом «Разговоре с фининспектором»: «Я в долгу перед Бродвейской лампой, перед вами, багдадские небеса, перед Красной Армией, перед вишнями Японии — перед всем, про что не успел написать».

И это утверждал поэт, который работал на революцию, Советскую власть, не зная «ни зим, ни лет», сознательно поставив свой талант в «служение» рабочему классу, большевистской партии; художник, создавший бессмертный поэтический памятник вождю восставшей России — Ленину. Такова подлинная мера гражданственности великого таланта, прекрасно осознающего, сколь многотруден и новаторски тернист путь художественного открытия мира: «Поэзия — вся! — езда в неизвестное. Поэзия — та же добыча ради. В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Открыть человека будущего. Это значит открыть и самого себя, открыть, почувствовать реально это будущее в своей душе и сердце. Так рождаются стихи поэта о любви.

Отвергая еще в дооктябрьский период «чирикающих» стихотворцев, которые «рифмами пилика, из любей и соловьев» выкипчивают «какое-то варево», Маяковский в лучших традициях русской и мировой лирической поэзии выступает как страстный певец и защитник подлинной любви, возвышающей и окрыляющей Человека.

После революции в поэмах «Люблю», «Про это», во многих стихах тема любви становится у Маяковского заглавной.

«Борьба наша за новое слово для России вызвана жизнью», — с глубочайшей убежденностью заявляет Маяковский еще в 1914 году.

Позднее поэт Октябрьской революции, призванный и мобилизованный этой революцией на фронт «из барских садоводств поэзии», решает сам рассказать потомкам «о времени и о себе». Так рождается замысел новой могучей поэмы Маяковского «Во весь голос», работу над которой на самом взлете трагически оборвала его смерть.

Судя по счастливо завершеному «Первому вступлению в поэму», по обнаженным до dna души лирическим строфам наброскам ко второму вступлению: «Уже второй. Должно быть, ты легла. В ночи Млечный свет, ты легла. Окую я не спешу, и молниями телеграмм Мне незачем тебя будить и беспокоить...

Ты посмотри, какая в мире тишь. Ночь обложила небо звездной данью. В такие вот часы встаешь и говоришь векам, истории и мирозданию», — поэме «Во весь голос» была уготовлена счастливейшая судьба: вместе с поэмами «Хорошо» и «Владимир Ильич Ленин» стать еще одной неповторимой страницей эпоха революционной России.

Высокое чувство революционного долга, гражданская зрелость, партийность творчества помогали Маяковскому преодолевать неизбежные минуты тревожных раздумий и сомнений на многотрудном пути поэта — новатора, летописца Октябрьской эпохи. Они — эти сомнения — отступали напрочь перед сознанием непосредственной причастности к грандиозным социалистическим преобразованиям.

Не слава, не «бронзы многопудье» волнуют Маяковского в настоящем и будущем.

Нет! Поэта тревожит то обстоятельство, что после его смерти могут объявиться такие «очкастые» толкователи-«профессора» его жизни и стихов, которые будут пытаться «убедить» окружающих, что Маяковский «загубил», дескать, свой талант, подчинив его открыто политике большевиков, революционной борьбе российского пролетариата, что он стал чуть ли не «жертвой» социализма, а к концу жизни, в песнях «Клоп» и «Баня», якобы все больше отходит от становления нового Человека. (Именно такую, с позволения сказать, концепцию поэта, явно клеветнического характера, еще в пятидесятые годы пытались выдвинуть в статьях, посвященных Маяковскому, американские советологи от литературы типа Р. Якобсона или П. Блейка).

Свой знаменитый разговор с потомками поэт революции завершает стихами, в которых открыто дерзко, афористически емко выражены гражданская сердцевина его поэзии, ее наступательный партийный пафос, новаторски художественная суть. В наши дни эти заветные строки Маяковского звучат на редкость актуально и масштабно: «Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слизь. Сочтемся славою, — ведь мы свои же люди, — пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм».

«Во весь голос» — это «Памятник» Маяковского, который мы вправе сравнить, сопоставить со знаменитым Пушкинским.

«Памятник» поэта, рожденного революционной Россией; поэта, который не просто описывал события эпохи, а своим пророческим Словом народного революционного поэта творил и утверждал социалистическую новь.

Солнечные, крылатые стихи поэта революции, наполненные до краев могучей и прекрасной верой в Россию Ленинскую, Россию Советскую, ее сегодня и завтра, озаряют в нашей памяти вечно живые, пророческие пушкинские стихи, которые духовно и нравственно на протяжении полутора веков пробуждали и укрепляли высокое чувство гражданского долга перед Родиной: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы!»

Пушкин изначален для всех поэтов, мечтающих о счастье и свободе народов; изначален в любви к России, вере в ее будущее для всех нас — его соотечественников. Он — наш живой современник. Это прекрасно чувствовал, понимал Маяковский. Он настойчиво, по-своему, новаторски шел вперед — к Пушкину, к гениальной «простоте» его поэзии.

Постижение «тайны» пушкинского стиха ему было особенно важно.

Маяковский решал свою великую гуманистическую задачу, как «дать язык безязыкой улице», сделать стих подлинно народным.

«Итого то, что прожил», Маяковский по праву мог бы сказать о себе по-пушкински: «Я памятник воздвиг себе нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа...»

Д О КОНЦА своих дней для Маяковского Пушкин остается высочайшей нравственной и художественной вершиной русской поэзии. Вспомним его исповедальное признание в любви к великому поэту России в стихотворении «Юбилейное», бесспорно одним из лучших, посвященных Пушкину в советской и мировой поэзии.

Как и Пушкин, Маяковский, его поэзия — это сама жизнь. Жизнь в ее вечном, неустанном борении добра и зла.

По этому миру, охваченному революционной октябрьской бурей свободы, стремительно и дерзко шагает полпред стиха «Ильичевой республики Советов» — Владимир Маяковский — величайший гуманист двадцатого века.

«Когда мы были молоды, — писал еще в 1949 году выдающийся чилийский поэт Пабло Неруда, — раздался поразивший нас голос Маяковского. Среди одряхлевших поэтических систем... раздался голос, подобный молоту строителя. Поэт погружал свои руки в сердце коллектива и находил там силы для новых мелодий. Сила, нежность и ярость Маяковского остаются ныне высочайшими образцами нашей поэтической эпохи».

ЮРИЙ ПРОКУШЕВ.